Статья Николая Левичева из «Независимой Газеты» от 19.01.2007 г.

Николай Левичев **Время русского языка**

Политический словарь как инструмент создания будущего

Об авторе: Николай Владимирович Левичев — секретарь политбюро партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ: РОДИНА/ПЕНСИОНЕРЫ/ЖИЗНЬ».

Будущее России во многом зависит от того, будет ли составлен новый политический словарь. Между тем многие эксперты считают, что у 'партии власти' собственного политического языка быть не может.

Объявленный президентом России Год русского языка, воплощенный в план мероприятий МИД РФ и Росзарубежцентра, охватит, как уже известно, 76 стран мира. Понятны его благие цели, есть надежда, что и правительство не поскупится на поддержку «формирования положительного образа России за рубежом», на укрепление статуса русского языка как мирового. Культурная компонента этого проекта, несомненно, поможет специалистом в области русской словесности во многих странах повысить свою квалификацию, интенсифицировать гастрольную жизнь ведущих наших творческих коллективов.

Но есть почему-то опасения за успех главной миссии задуманного плана. Ведь сверхзадача его в конечном счете в том, чтобы на другие

языки
захотелось бы
«переводить
с русского»,
то есть
транслировать ту систему ценностей, которой живет Россия,
и сделать
понятными наши переживания
и надежды.

Старый политический язык для этого непригоден, он себя исчерпал. Мы — в преддверии
другого способа описания положения России
в мире
и наших
внутренних проблем. Будущее России
во многом
зависит
от того,
будет ли составлен новый политический словарь.

Если мы не ищем этот язык сами — это делают за нас. Очевидно, убийства
А. Политковской и А. Литвиненко,
события
в Кондопоге
и другие
позволяют быстро предложить такой политический лексикон, который
дезавуировал бы
результаты политического курса
2000 —
2006 годов.
Если
для внутреннего
пользования
в наше
журналистское сообщество вчера успешно внедрялась схема: «питерские силовики»
против «ельцинских либералов»,
то теперь
как новая возрождается хорошо забытая старая:
в России
«кровавый режим КГБ»,
а значит,

в повестке
дня —
тотальная оппозиция.

Миром управляют слова. С тех пор как это было окончательно усвоено, события конструируются специально для того, чтобы запустить в ход
новые слова, навязывающие описание реальности.

Автор вписанного кровью в историю страны словосочетания «враг народа» родил формулу, позволившую прикрывать широчайший спектр мотиваций
для устранения
неугодных:
от банальной
коррупции, говоря
по-современному
, до
не менее
банальной зависти.

Вопрос: кто призван вырабатывать политический дискурс в современной России? Государственная Дума? Она, пожалуй, сосредоточена
на технических
сторонах законодательной деятельности,
а значит,
ограничена жестким правовым тезаурусом. Партии? Наша «главная партия» долго
молчала,
а затем
ей подсказали выдвинуть
в качестве
центральной тему «суверенной демократии». Это лучше, чем ничего,
но этого
маловато, да
и не для всех
убедительно.

С другой стороны, зачем мучиться, если для «Единой России» без серьезных мировоззренческих усилий есть возможность быстро закрепиться

в умах
технологиями «телевизионной демократии».

Беда, что и шествие дедов морозов, и другие телекартинки — это производство образов, но не слов. И отвечает на это грамотное население тоже не словами, а языком жестов, идя на выборы «с фигой в кармане»…

Многие эксперты считают, что у «партии власти» и не может быть никакого собственного политического языка. А нынешняя, безлично-менеджерская риторика власти в принципе не предполагает человеческого измерения.

«Конкурентоспособность» и «суверенность», будучи достижениями государства в целом, вовсе не означают бытового улучшения или эмоционального просвета для конкретного человека. Россия состоит не из одних государственных корпораций — но существование живых людей никак не отражается в языке, на котором

власть безуспешно призывает граждан
к патриотическим
чувствам.
Из него
полностью исчезли моральные императивы, вытесненные терминами «экономической целесообразности», которые воспринимаются как категории цинизма.

Невозможно заставить людей испытывать душевный трепет от сознания «суверенитета», восхищаться «возрождением страны», когда горизонт их реальной жизни ограничен стодолларовой пенсией
или фантастическими
ценами
на жилье.

Радикальные идеологи буквально «подбирают» потерявших всякую веру в государство людей, обещая им вернуть потерянный социальный статус
с помощью
расправы
с «врагами» —
разнообразными «инородцами», которых так удобно обвинить
в экономической
деградации
и унижении
человеческого достоинства
в России.

К сожалению, эта примитивная идеология «войны с чужими» может разрушить нашу страну, «балканизировать» ее
так же,
как это было сделано
в Югославии
и на окраинах
бывшего СССР
в
1990-х
.
Но обвинять
и преследовать
националистов —
слишком малая мера, они попросту «забирают» себе тех,

на чьих
несчастьях уже сделали себе политический
и материальный
капитал другие.

Какими словами гражданин может сегодня выразить свой патриотизм? Особенно если он по «праву земли», то есть по месту рождения, по культуре — русский, а по «праву крови»,
то есть
по национальности
татарин, саами
или смесь
украинского
с корейским?
Формула национальной гордости
из песни
«Мой
адрес —
Советский Союз» канула
в вечность
вместе
с эмоциональной
матрицей, впечатанной
в сознание
поколения
60-х
.

Здравый гражданский патриотизм сейчас парадоксальным образом становится редкостью. Люди все больше внимания обращают на мнимых «врагов России» и все меньше
гордятся собственной страной, сегодняшнюю жизнь которой многие оценивают
с позиции
безграничного цинизма.
По данным
недавнего социологического опроса, немного более половины наших сограждан считают себя патриотами.
Для успешного
развития общества это очень мало. Зато националисты
из прежних
маргиналов входят
в моду.

Почему так происходит? Российская власть не может объяснить обществу, откуда берется тот «экстремизм», с которым она в последнее время так рьяно борется.

Ответ меж тем вполне очевиден.

Наша политическая система отторгает всякие перемены. Настроенные на бесконечное «кормление» чиновники боятся подлинной конкурентной демократии, неизбежно порождающей и социальный поворот в экономике, и бремя ответственности элиты перед избирателями. Произнося ритуальные формулы о «величии страны», они заботятся только о монополизме и неприкосновенности собственных полномочий — любое же самостоятельное, несанкционированное действие кажется им прямой угрозой.

Всех же, кто по разным причинам выражает недовольство сложившейся системой парламента без дискуссий и реформ без обсуждения, — заведомо записывают в экстремисты, выталкивают из политического процесса. Недавним законом об отмене явки бюрократия и вовсе сигнализирует: сидите дома, вы не нужны

нам даже
на выборах,
«единая» страна прекрасно обойдется вообще
без людей.

В результате миллионы оказываются фактически за пределами политического социума, их гражданские, избирательные права постепенно сужаются, чтобы затем исчезли и механизмы
социальной защиты. Неудивительно,
что «лишнее
общество» перестает гордиться страной, которая фактически теряет своих граждан в погоне
за «энергетической
державностью»
на безликих
«территориях».

Но чем они могли бы гордиться сейчас? О каком патриотизме, кроме
формально-казенного, может идти речь, когда человеку приходится выбирать между оплатой приватизированных коммунальных услуг
и приобретением
лекарств
по коммерческим
ценам? «Мы любой ценой должны сохранить макроэкономическую
стабильность», —
сообщил недавно Г. Греф.
Что же
это
за «экономическая
стабильность», которую нужно сохранять
в том
числе
и ценой
жизни социально уязвимого человека?
И —
каким будет его настрой, если
у него
нет даже возможности отказаться
на выборах
от той
политической силы, которая навязала ему подобную судьбу?

А параллельно идет и другой процесс. Государство фактически отказалось от роли деятельного центра русской культуры. Неолиберальные экономисты объявили, что все отрасли должны кормить себя сами. Значит, телевидение должно содержаться «аншлагами», книжные магазины — уступить место бутикам, а университеты — открывать жульнические факультеты «маркетинга и пиара», одновременно уменьшая количество бюджетных мест. Но «самофинансирование» и «выживание» культуры приведет к масштабной деградации некогда «самой читающей страны в мире». Готова ли увлеченная макроэкономикой власть к политическим последствиям этого одичания? Ибо итогом социального тупика закономерным образом становится нигилистический национализм.

Мы чувствуем, что в современном описании политики становится все меньше рациональности. Возможно, она сохраняется еще в академической науке. Но в публичной риторике нарастает мифологизация. Это касается и описания противостояния России внешним врагам, и самой внутренней ситуации, которая описывается на языке метафор. А ведь политический экстремизм всегда питается мифологией.

Когда начинается поиск причин нарастания экстремизма в условиях социальной дискриминации каких-то

слоев
и групп,
забывают,
что мифология
успешно охватывает разные социальные группы, между которыми
на первый
взгляд
не могло
быть ничего общего. Левый террор
в России
в начале
XX века
объединил
и местечковых
евреев,
и декадентствующих
представителей дворянских семей,
и студенческую
молодежь. Такова ситуация
и сегодня.
Наивны те, кто думает,
что правый
националистический экстремизм
в России
развивается лишь потому,
что коренное
население центральных областей России страдает
от наплыва
«гостей». Да, этот фактор, безусловно, есть.
Но от оскорбленного
чувства до политического действия пролегает огромная дистанция. Вот когда
появляются «идеологи», мастера
риторики, —
вот тогда протест перерастает
в экстремизм.

Сегодня нам как никогда нужно общее, объединяющее понимание истории. В
определенных
кругах активно развивают мысль
о том,
что Россия
должна сознательно пойти
на жесткое
противопоставление

«свои —
чужие», потому
что якобы
без этого
невозможна активная стратегическая политика.
В действительности
этот «язык вражды» никуда
не приведет
страну.

Партия «Справедливая Россия»: Родина/Пенсионеры/Жизнь« вышла на национальную политическую арену
в качестве
носителя актуальной левой идеологии. Ее приоритеты вполне созвучны современной тенденции «ренессанса левой идеи»
в мире.
Во главу
угла ставится справедливый миропорядок, предполагающий «игру»
по честным
справедливым правилам.

Никто не должен никого учить, но все должны друг у друга учиться. Именно под этим девизом мы
и предлагаем
вести равный диалог
о наиболее
актуальных проблемах современности, активно вводя
в мировой
оборот лучший современный опыт России.

Почему для этого нам нужна общественная политическая дискуссия внутри страны? Ответ лежит на поверхности. Языки самоописания, которые и делают возможным саморазвитие общества, формируются
в борьбе
хотя бы
двух крупных общественных настроений.

Россия стремительно перепрыгнула из советского социализма прямо в постмодерн.

Если памятником нашей политической эпохе останется монумент «Партия-хватающая-все», в ногах которой ползают «нишевые» партии с маргинальной аудиторией, — прощай, «великая Россия»! В таком раскладе вообще невозможна дискуссия о будущем, невозможен стратегической выбор.

Социальный идеал левых, который отчетливо разнился с идеалами правых, останется актуальным. Он связан с пониманием человека, миссии человека в мире, его отношения к себе и другим. В конечном итоге с целями человеческого саморазвития.

Но до тех пор, пока наша политическая система не станет по-настоящему конкурентной, пока любых своих оппонентов партия власти упорно будет трактовать как «угрозу раскола элит», — социальный поворот, поворот к человеку не состоится. А это значит, что России, лишенной национальной гордости, будет грозить падение в бездну национальной ненависти.

Опубликовано в Независимой Газете от 19.01.2007